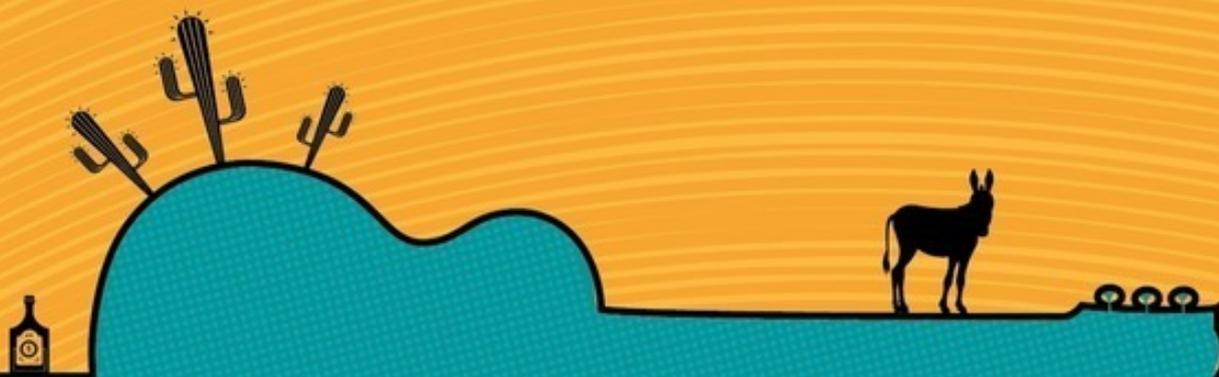

¡Hasta Mañana!

Лена Ехова

Лена Ехова
¡Hasta Mañana!

«Издательские решения»

Ехова Л.

¡Hasta Mañana! / Л. Ехова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854802-4

Эта книга будет интересна начинающим параноикам, конспирологам,
а также консервативным пессимистам и умеренным гуманистам.

ISBN 978-5-44-854802-4

© Ехова Л.
© Издательские решения

Содержание

¡Hasta Mañana!	6
1	6
2	14
3	21
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

¡Hasta Mañana!

Лена Ехова

© Лена Ехова, 2017

ISBN 978-5-4485-4802-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

¡Hasta Mañana!

ПОВЕСТЬ

*...Но прошло дней пять,
кот вернулся к ним опять.
Все решили, что пропал,
а он не думал пропадать...*

Детская песенка

Cambio dolor por libertad!

N. Oreiro

1

Хозяйка достала из шкафа старый пыльный вентилятор, жалкое подобие бумажного веера. Хоть немного воздуха – это была единственная просьба умирающей. А в остальном нормально: грубый худой матрац на полу мне что царские перины, треск цикад – как колыбельная матери, брачные танцы скорпи... Всё, тихо, спать!

Утром в дверном проёме застряло солнце, настырно лезло в глаза, мешая досмотреть остросюжетный сон. Всё тело страшно ныло, словно на мне технично исполняли капоэйру в четыре ноги. Где я, что со мной и кто та идеально квадратная женщина во дворе с потёртым пластмассовым тазиком в руках – попробуй спросонья сообрази.

Чуткая сеньора поймала беспомощный взгляд и сразу заполнила один из пробелов.

– Химена меня зовут.

Красиво, почти как моё тотемное животное.

Денёк вчерашний выдался адским. Удивительно, как после случившегося мне удалось ещё куда-то рвануть. Дорогу совсем не помню, похоже, шла на автопилоте. Только ощущения – снаружи баня, во рту сауна; и вот лежу я на земле, бодрая, как раздавленный червяк, смотрю вполглаза на крошечные домики на холме, сливающиеся в одно сплошное белое пятно, и интуиция подсказывает – самостоятельно доползти до них чересчур дерзкий план.

Хорошо, что меня обнаружили случайные прохожие, мужчина с ослон, и доставили в этот дом.

– ...так стонала во сне, бедная. Болит что-то? – её круглое ржавое лицо нависло надо мной.

– Да, но уже не страшно. Спасибо, что приютили, если бы не...

– А что, разве так можно – оставить человека подыхать на дороге? Да ты лежи, не вставай, раз тяжело. Сейчас завтрак принесу, и расскажешь, что случилось. Потом займёмся твоим туловищем.

Что рассказывать? Нужна какая-то внятная правдоподобная история. Я иностранка, это и так понятно. Туристка. Допустим, меня похитили индейские дети для традиционных ролевых игр, но мне посчастливилось сбежать. Где всё это происходило, не имеет значения, мешок на голову – и в путь. А потом шла куда глаза глядят, лишь бы до людей добраться. Да, получается вполне складно. Она спросит, из какой я страны, – скажу, из Норвегии или Греции, их здесь всё равно никто не знает.

Кола и тёплые лепёшки с сыром – мой скромный завтрак.

– Я так и подумала, сразу догадалась! Но это ерунда, ты легко отделалась. А вообще, у нас и не такое случается. В основном с гринго, а с неграми редко, негров у нас уважают

и даже побаиваются. – Химена комментировала мой рассказ, с аппетитом щёлкая жареных кузнечиков. – Конечно, здесь очень красиво, что и говорить, многие к нам едут.

– Да, красиво...

– А меня вот никуда не тянет, что я где-то забыла, если мне и дома хорошо. Негодяи везде есть. Разве не так? В Африке, что ли, лучше? Вроде и живёте богато, а как беспокойно, люди же целыми семьями пропадают, ох, как посмотришь телевизор...

У нас в Африке, с чего она это взяла?

Я попыталась встать.

Господи, это не моё тело, кто-то подменил во сне на бракованное. Незнакомое, неудобное, непослушное, тяжёлое.

Кожа! Это тело покрыто грубой антрацитовою кожей! Как же я не заметила, что ем этими руками?

– По три раны на ногах, одна глубокая, обширная ссадина на лбу и на локтях ещё, итого девять, – деловито сосчитала Химена. – Ходить-то можешь?

– Вроде могу.

Я сделала два шага, и малоэффективные африканские ноги подкосились. Химена успела подхватить меня в момент падения.

– Ну-ну! Потерпи, через несколько дней будешь как новенькая.

Угу, если бы. Шкура заживёт, а как быть с сознанием? Блин, лучше бы у меня память отшибло.

А она всё щебечет и щебечет.

– ...хала. Вчера в самом деле был необычный день, соседка в парке человеческую руку нашла. Представь себе, идёт, гуляет, а шляпа назад съехала, остановилась поправить, голову вверх подняла и видит – висит! Сначала испугалась, конечно, потом отдышалась, залезла на кактус, сняла. Хорошая рука, правая, дорогая, блестящие чёрные с позолотой ногти и татуировка на запястье в виде морского конька. А между пальцами клочок бумаги зажат, там такое, знаешь, странное послание на непонятном языке и числа какие-то. Я уверена, это очень важно.

Эдик Конев.

Меня резко затошнило, в глазах побежали белые барашки, непослушной рукой потянулась за стаканом с колой и опрокинула его.

– Б***ь, – автоматически вырвалось у меня что-то на непонятном языке.

– Ничего-ничего, я уберу!

Эдик...

– ...жет, сначала весь целиком был, звал на помощь, но никто его не услышал. Час пробил, и вот осталась одна рука. Ты веришь в судьбу?

– Иногда.

– Санта Муэрте! – Химена тщательно перекрестилась и засыпала в рот ещё горстку насекомых. – Будешь? Зря, не останется ведь.

– Рука, где она сейчас? Вдруг не всё так плохо, человек просто на время оставил, вернётся, а её нет?

– Так Хуанита же домой взяла, мало ли, а то и правда пропадёт. Если хочешь, могу принести, посмотришь.

Управлять эмоциями – это какая-то непостижимая наука. Люди научились менять даже погоду. Раньше богов молили о дожде, теперь боги сами выпрашивают у людей разрешения, им, как безнадёжным дебилам, всё флажками огородили: туда ходите, сюда нельзя. А морда кирпичом – индивидуальное средство защиты вроде зонтика или противогаза. Кто не спрятался, тот пропал.

Я в этом смысле необучаема, все эмоции лезут наружу в натуральном виде, голышом, без грима. Запихиваешь их назад поглубже волевым усилием – ещё больше разбухают. Боялась, прорвёт, пока Химена наконец соберётся и уйдёт к этой своей Хуаните, воровке чужих рук. Но она как назло то с тряпкой елозила по полу, потом семена какие-то в банку пересыпала, приговаривая «Сейчас, сейчас». Это долгое «сейчас» норовило меня задушить, с каждой секундой всё сильнее сжимая горло.

Как только захлопнулась дверь, мне сразу расхотелось рыдать. Так обычно и бывает. Оставшись одна, я свернулась калачиком, закрыла глаза и отрегулировала дыхание до глубокого медленного.

И вот запустилось броуновское движение образов: ящики с мандаринами, шахта, белый пудель с розовым бантом, рука Конева чешет нос Конева, всполохи, люди за стеклом, машина едет по серпантину...

Нет, я так не могу. Нужно срочно забуриться в комфортное безопасное место, чтобы спокойно распутать этот клубок, нормально подумать. А здесь, пожалуй, не стоит задерживаться. Сейчас ещё и руку принесут, о господи, спрячь меня!

Хорошо, какими ресурсами я располагаю... Похоже, только трусами – то есть, всё, что на мне. Ещё раз осмотрелась в полупустой комнате, ничего своего не обнаружила. Неужели я сюда в таком виде явилась...

Из комнаты выход в патио. Компактная, симпатичная территория. Деревянная мебель под выцветшим зонтиком, гамак, мангал, повсюду кадки с растениями, есть очень красивые орхидеи, палки-копалки, лейка, яркая керамическая кошка с дырой в щеке – понравилась, взяла погладить.

– Вот это прогресс, уже на ногах! А почему нагишом разгуливаешь? – хозяйка вернулась неожиданно быстро. – Вон же в углу лежит куча одежды, специально оставила. Накинь что-нибудь, пока твои вещи сушатся.

Наконец-то приятная новость, у меня всё-таки есть вещи! Я вернулась в комнату и напялила на себя первую попавшуюся шмотку, какая разница.

– Руку мне Хуанита не дала, сказала, что никому не доверяет. В полицию решила отнести, хотя они тоже спереть могут. А записка вот. Ну как, понимаешь здесь что-нибудь?

«тух. кур. яйца 83 шт., волосы св. 28 уп., stg-карты мод. 0792, на 16/07».

Я отрицательно покачала головой.

– Жаль! – у Химены было такое разочарованное лицо, словно только что на её глазах опытный дешифровщик не справился с детской загадкой.

Как не понять. Это я выписывала на площадку недостающий реквизит 16 июля. Тогда мне влетело от арт-директора за то, что заказала доставку на адрес гостиницы, а ему не терпелось срочно посмотреть материалы.

Следующая сцена, заключительная, планировалась только через две недели: лысая утопленница колышется на дне сенота, как муха в паутине из длинных волос и корней растений, а на поверхности воды танцуют яйца, складывая слово «жизнь».

Так вот, а он говорит, мол, звони, и пусть везут прямо сейчас к шахте. И Эдику ещё крикнул, чтобы тот встретил курьера. Значит, Конев пассаж у входа и, возможно, что-то видел. Бедный, как он теперь без руки, и неудобно, и некрасиво.

– Химена, какое сегодня число?

– 18 июля. А что?

– Ничего, немного потерялась во времени.

Получается, шла больше суток, ай да я! Теперь бы ещё выяснить, куда в итоге прибыла и почему рука Конева следовала по тому же маршруту.

Химена посмотрела на часы, захохотала, сунула записку в карман своих основательно разношенных трикошек и включила телевизор. Уже шёл её любимый сериал. Я присоединилась к просмотру, надо ж чем-то разгрузить мозг, чтоб не лопнул.

Любовный октаэдр Эдуардо, Антонио, Виктории, Марии, Альберто, Эстреллы, Маурицио и дона Педро поначалу не сильно затрагивал струны моей души. Мне больше понравились рекламные блоки. Но постепенно я настолько эмоционально подключилась к сюжету, что в конце серии мы с Хименой сморкались уже слаженным дуэтом. Все персонажи были влюблены в Эдуардо. А он никого не любил. Весь из себя гордый и неприступный, как голубь на памятнике. «Нежное сердце в океане страсти», потом в сети полностью посмотрю.

А из рекламы меня впечатлил спрей «Бодиклим» – кондиционер с антипригарной функцией. В том ролике голая старушка ползёт по городу и жалуется окружающим, что ей жарко и, даже полностью раздевшись, она не чувствует облегчения. К ней подходит стильно одетая игуана и предлагает «Бодиклим». Достаточно нанести его на тело, и сразу почувствуешь себя в комфортных температурных условиях, будь ты хоть в джунглях, хоть в пустыне. Пока выпускается в трёх вариантах: 20, 22.5 и 25 градусов.

– Гринго совсем с ума посходили! 20 градусов, подумать только, кто такое купит? – возмущалась Химена.

– Да уж! – горячо поддакнула я, симулируя африканство.

Обязательно куплю, как только появится возможность. Ещё неизвестно, сколько мне здесь коптиться. Я несколько раз мысленно повторила номер, по которому можно заказать спрей и получить посылку в течение 12 часов в любой точке планеты.

Посмотрели международные и местные новости.

Обострение конфликта между киргизскими и новозеландскими учёными. Бригада веб-пожарных из Свазиленда потушила вулкан на Филиппинах. Массовая авария с участием нелегальных аэротакси. Громкий эстетический скандал на неделе младенческой моды. Власти Германской Арабской Республики подписали международную конвенцию «О расширении жизненного пространства». Разгон несанкционированного митинга некрофилов против кремации. Осуждённый за подпольную гомеопатию Хосе Лопес приговорён к пяти годам принудительного бейсджампинга.

Я жадно впивалась ушами, глазами в каждый сюжет, пытаюсь уловить хоть что-то, пусть косвенно имеющее отношение к моей ситуации. И не находила.

Наступила сиеста. До чего же медленно здесь тянется день, время вязкое и липкое, как мёд.

– Маша, я не знаю, как сказать тебе, – мимика и голос хозяйки анонсировали неприятное сообщение. – Утром я стала стирать твои вещи, они были очень грязные. Но не заметила вот эту штуку, она выскользнула из кармана, упала в воду и вероятно испортилась, но с виду целая и даже не поцарапанная. Посмотри. Это что, модный телефон, дорогой? У меня-то простенький. Мы крутили, нажимали, бесполезно. Диего понес мастеру, есть тут у нас один толковый электрик, что-то там поковырял, но ничем не смог помочь. В общем, прости меня, я нечаянно.

Химена протянула мне мой крутофон. Я взяла его в руки, и он сразу приветственно заморгал голубым глазом.

– Нет, не волнуйтесь, всё в порядке. Эта вещь признает только хозяина и откликается на биополе.

Три сообщения. Одно от Паши: «Машка, если ты жива, не вздумай соваться сюда, замри где-нибудь на время, какие-то черти по твою душу приходили. Мне одиноко

и страшно, уехал к маме». Домой сейчас я так или иначе не собиралась, сначала хотя бы попытаться сложить по кусочкам и осмыслить последние события. Но новость тревожная. Так, это потом обмозгую, дальше...

Второе от «Галереи сновидений» – «Поздравляем, ваш сегодняшний сон набрал 878924 просмотра и вырвался в лидеры».

Одуреть, что же такого невероятного сочинил мой спящий мозг! «Нет доступа, содержимое удалено администратором в связи с нарушениями правил сообщества *см. п. 117 „порнографический экстремизм и пропаганда вегетативного размножения в общественном транспорте“. Если вы являетесь владельцем аккаунта, рекомендуем...» Вот так, почти миллион человек посмотрело, а мне теперь только гадать, что там.

Я слышала, некоторые нечистоплотные сценаристы и художники практикуют воровство чужих снов. Несколько лет назад один сновидец по такому случаю судился и очень нехилую компенсацию получил. Надо всё-таки хотя бы попытаться восстановить исходники.

Третье – финансовое оповещение: «Ваш счёт пополнился на сумму xxxxxx. Сообщение анонимного отправителя: «спасибо».

Вот это да! Ничто не способно так безупречно утешить бедного человека, как деньги.

Но откуда они? Информация об отправителе засекречена. Мой гонорар за весь проект на порядок меньше, и то аванс уже выплатили.

Паша? Абсурдно такое даже предполагать, он в супермаркетах мастерски с яблок штрихкоды стирает, чтоб незаметно сожрать и на выходе не зазвенеть.

Ноль вариантов. Наверное, кто-то ошибся. Что ж, и тебе спасибо.

Всё стало выглядеть не так уж безнадежно. Есть деньги и связь, и одежда с надеждой тоже есть – намного больше, чем было всего несколько минут назад.

Крутофон определил моё местонахождение. Это в 38,7 км от последней зафиксированной точки. Показал мне картинку. А деревенька-то живописная, надо будет вечером прогуляться!

В первую очередь я решила связаться с директором – «абонент недоступен». Затем прошлась по всему рабочему списку, включая Конева, – тот же результат. Набрала гостиницу, ответила нервная женщина:

– Да сколько можно? Не звоните сюда больше, здесь нет никакой гостиницы!

– А что есть?

– Ничего нет!

Бред какой-то, что же делать?

Может, рассказать всё как есть Химене? Не уверена. Вдруг сольёт.

Ближайший крупный город находится в 136 км отсюда. Там есть аэропорт. Куда-нибудь улететь, всё равно куда, в другую страну, на неопределённое время, деньги есть.

Или вернуться назад и посмотреть, что же там на самом деле? Может, разыщу кого-то из своих.

Или в полицию?

Нет, лучше автостопом на побережье, в какой-нибудь шумный отель с кучей иностранных туристов, чтобы можно было затеряться. Да, так и сделаю. Хоть раз в жизни отдохну по-человечески недельку-две, отдышусь. А тем временем авось всё само как-то разрешится.

И я занялась кастингом отелей. Определённо мне нужен лучший си-вью! С антиоксидантной ванной на балконе, да! В голове уже нарисовались рекламные лакшери-слайды: вот я загораю на прогулочной яхте, потом гоняюсь с трубкой в носу за разноцветными рыбками, а это раскрываюсь в танце на пляжной дискотеке, в спа-центре меня массируют элитными морскими ежами, ну и разврату можно добавить немножко, чего уж...

В опасную реальность вернул громкий настойчивый стук. Слышно было, как Химена зашуршала в его направлении. Я настроила уши на функцию подслушивания.

– Здравствуйте, сеньор офицер!

– Ола, Химена! Поступил сигнал, где-то здесь скрываются опасные преступники. Есть посторонние в доме?

– У нас сейчас нет ни одного преступника, даже не знаю, кого вам предложить. Вчера вот туристка остановилась, будете брать?

– Мария Иванова, русская?

– Нет-нет, её зовут Маша, она негр из Африки.

– Ты уверена?

Голос полицейского не вызывал сомнений – так просто он не уйдёт. Похоже, я пропала, куда прятаться?

– Что вы, сеньор, разве русские бывают чёрными?

– Какими угодно, хоть оранжевыми. Я обязан лично проверить!

– Конечно, какие могут быть возражения, прохо... Ого! Да вас штормит, и лицо бледное... то есть, красное. Плохо? Садитесь-садитесь, я дам воды.

Бульканье и звук приземляющегося тела, должно быть, он грузный. Ну неудивительно, давление, сосуды...

– Да работа, сама знаешь, собачья! Только прилёт вздремнуть, а тут вставай, тащись в гору. Хорошо тебе на пенсии...

– Что случилось-то?

– Откуда мне знать? Есть ориентировка, без подробностей.

Очень вовремя мне попались на глаза блокнот и карандаш. Я вырвала лист, сложила его в два раза, нарисовала африканский документ, как я его себе представляю, и бросила на стол. После чего шустро зарылась в груды тряпок.

– Эх, вставать неохота. Но некогда засиживаться, пора брать!

И вот оно, уверенное крещендо в мою сторону.

В ту же секунду в дверь кряхтящей ланью ворвался полицейский. Не замедляя темпа он пробежал комнату насквозь и выскочил во дворик.

– Сдавайтесь или буду стрелять!

Пауза, пыхтение, шорохи, словно кто-то подметает улицу. Ползает он там что ли?

– Странно, никого нет. Обычно же все за кадками прячутся. Где она?

– Не знаю, я своими делами занималась. Наверное, гулять пошла, достопримечательности посмотреть, приехала ведь всего на один день, не дома же сидеть!

Полицейский вернулся в комнату.

– А это что? Каракули какие-то... Похоже, её паспорт, надо же, у них ещё бумажные документы в ходу, прикольно. Хм, а она симпатичная! – голос, мне показалось, стал мягче. – Значит, так, это я забираю. Скажи, пусть зайдёт ко мне в участок, там и пообщаемся. Только не сегодня, много дел! Ещё к соседям твоим топать. Гонсалесы что-то не открывают, приехали.

– Так они вроде в город собирались.

– Вообще рабочий день уже заканчивается. Короче, маньяна.

– Не волнуйтесь, всё передам!

Бежать отсюда как можно скорее.

Стоп... Он чересчур точен в поисках.

Конечно, это не может быть случайностью, им известно, кто я, ловятся сигналы чипа и крутофона. Так и на километр не продвинусь, раньше сцапают.

Ещё раз без помощи хозяйки не обойтись. Если я правильно поняла, у неё периодически останавливаются преступники. Не исключено, что в доме имеются кое-какие противозаконные средства. Ничего другого не остаётся, кроме как идти ва-банк.

Химена проводила офицера и вернулась в мою комнату.

– Вылезай, испугалась? Он искал какую-то русскую.

– Химена, он искал меня. Я и есть Мария Иванова, и, получается, мне некуда деться и здесь опасно... Не знаю, как быть.

– Для начала хотя бы принять душ, смыть с себя эту угольную пыль, – догадалась, значит. – А всё-таки, что ты натворила?

– Да ничего, в том-то и дело! Я забралась куда не следовало, исключительно из любопытства, и нечаянно стала свидетелем кровавого происшествия. Полагаю, к этому имеет отношение полиция. Иначе бы меня не просвечивали спецволнами. Вы же смотрите новости, может, там говорили о случившемся на шахте, что примерно в 38 километрах отсюда?

– Не было ничего про шахту. Все новости про шахты я особенно внимательно смотрю. Тем хуже. О самых страшных преступлениях людям ведь не рассказывают, – Химена уставилась в потолок, задумчиво почёсывая подбородок. – А я верю тебе, Маша. Нормальные преступники куда лучше подкованы в средствах защиты, и те прокалываются.

– Тогда спрошу прямо, ох и неудобно это, а что делать, – у вас есть фольга?

Мой вопрос не вызвал удивления. Химена даже не вздрогнула, абсолютно спокойно сказала:

– За хранение и применение фольги в лучшем случае тюрьма, в худшем трансплантация, разве не знаешь?

– К сожалению, не вижу другого выхода. Я должна незаметно скрыться где-нибудь... Но вот где, какие варианты? У меня есть деньги, могу заплатить! Химена, дорогая, помогите!

– Хорошо, иди мойся, мне нужно подумать.

Не исключено, что она сообщила в полицию и меня поджидает группа захвата. Тут уж ничего не изменить. Может, даже будут стрелять на поражение – тем более мне хотелось продлить эти свои последние минуты чистого блаженства.

Я щедро намыливалась, смывала пену и вновь намыливалась. Отдраилась до скрипа. А потом ещё долго сидела под прохладным душем, пока вода не закончилась.

В комнате на столе лежала моя уже высушенная одежда, новые трусы из фольги, широкополая шляпа, какой-то шерстяной чехол в шотландскую клетку и простенькое расклешённое платье с длинными рукавами. Я прослезилась от радости, ну Химена, человечисше!

– Сейчас обработаю твои раны и укол ещё сделаю, чтобы исключить возможность распространения инфекции. Тут ведь глубокая рана. Ой, да что ж такое! Прости. В косточку, что ли, попала, аж игла погнулась... Терпимо? Ну всё-всё. Так, слушай, в шляпу я зашила фольгу, внутрь чехла для твоего аппарата тоже – без острой жизненной необходимости его вообще не доставай. Наденешь платье, а свои вещи складывай в этот рюкзак. Давай правую руку. – Химена обернула мою руку фольгой в два слоя, а сверху забинтовала.

– Примерно через час будет готов Диего, он переправит тебя за границу. Ты можешь ему полностью доверять, это благородный человек.

– Далеко?

– Ехать прилично, при хорошем раскладе к утру доберётесь. А пока у тебя есть время поужинать и без спешки подумать, что ещё нужно.

За минуту до выхода я перевела половину от имеющихся у меня средств на указанный Хименой счёт, а это очень солидные деньги. Нет, она не просила конкретную сумму, назвала это свободным пожертвованием на нужды ветеранов войны, сколько не жалко. Да ради бога.

Понятия не имею, каким образом предстоит осуществлять платежи в дальнейшем без риска выдать себя. Но отдать всё, честно говоря, была морально не готова. Согрела малодушная мыслишка о том, что в кои-то веки я не бедна, у меня есть деньги, которыми когда-нибудь, возможно, смогу воспользоваться.

2

Диего – это был тот самый человек, который накануне подобрал меня и доставил в дом доброй Химены. Он вежливо поздоровался, устроил осла на заднем сиденье, а мне предложил сесть на переднее.

– Ты ей кресло-то хорошенько отодвинь, нога ж у девочки больная. Вот так удобно? – хлопотала Химена.

Нормально.

Мы ехали молча, слушали зажигательную латиноамериканскую музыку. Я даже немного пританцовывала, а боковым зрением разглядывала водителя. Он напряжённо смотрел на дорогу и, казалось, нервничал. Худощавый, морщинистый, впалые щёки, большие жёлто-карие глаза и безгубая прорезь рта – эталонная пожилая ящерица. Наверное, похоже выглядел Дон Кихот, на лице та же одержимость и бескомпромиссность. Или это медийные стереотипы? А ещё он непрерывно курил и кашлял.

Интересно, зачем ему потребовалось брать с собой осла? Бедное животное.

Спустя два часа пути, рядом с указателем на аэропорт, Диего остановил машину, велел мне выйти, удалиться на двести метров, ровно на одну минуту снять защиту, засветить крутофон, снова упаковаться и вернуться. В общем-то ничего сложного, проделала быстро и безошибочно.

– Всё, они уже поймали сигнал, через час будут рыскать на этом месте. В другое время могли бы оперативнее отреагировать, но вечер пятницы, все нормальные люди уже отдыхают. Теперь здесь твой последний след.

Мы развернулись и поехали в обратную сторону.

– Можешь расслабиться. Если хочешь спать – спи.

Спать совершенно не хотелось, в голове крутилось много вопросов, было о чём подумать. Да и Диего после удачно проведённой ложной операции выглядел спокойнее и не прочь был поболтать.

– Ты, наверное, хочешь спросить, почему с нами осёл? Хорошо, я расскажу. Это дон Альваро, мой ангел-хранитель и близкий друг. Тридцать лет назад во время войны он вынес меня с поля боя, без рук, без ног, истекающего литрами крови. С тех пор мы не расстаёмся. Я перед ним в неоплатном долгу.

– А как же...

– Конечности? Само собой, неродные. Ты не смотри, что я калека, большинство людей в полной комплектации – как дохлые мухи, смысла ноль, мозгов нет, а у меня такой богатый жизненный путь, на несколько человек хватило бы. Главное ведь что – ясная голова и горячее сердце, а этого у меня не отнять!

Пошли старческие рисовки, что ж, послушаю.

– Но без моего дорогого товарища я не стою и прошлогодней картофельной шелухи. Между прочим, это он тебя вчера нашёл на партизанской тропе.

Диего указал большим пальцем назад. Я уважительно посмотрела на дона Альваро. Он дремал, сопя и слегка подёргивая копытцем.

– Почему на партизанской?

– Да потому что там только партизаны обычно ходят, ну или небольшие бандиты, я эту территорию контролирую, мимо змея незамеченной не проскользнёт, а другим-то оно зачем – вон же кругом асфальт, всякие покатушки с велослужбками.

– Но я не...

– Кому ты это рассказываешь? А то я своих не узнаю. Лежала в траве – отважная и хрупкая, прижав к себе окровавленную мужскую руку. Пыталась спасти товарища? Молодец! – Диего внимательно посмотрел на меня, прищулив глаз от дыма.

– Э... Пойдите, так получается, что... Вся эта история про соседку и...

Быть такого не может!

– В самом деле память отбило? Эта рука была при тебе. Химена пыталась разговаривать, но ты молодец, не раскололась, наш человек!

Вот это да... Вопросы появлялись, как головы Лернейской гидры, руби и получай свеженькие, вот бы так что-то более приятное размножалось.

– Я действительно не помню события последних двух дней. Шок или контузия. Но наше общение помогает мне восстановиться. Диего, рассказывайте о себе, мне очень интересно. Что же было дальше, после того как вы едва не погибли в бою?

Тогда, треть века назад, дон Альваро доставил уже не очень живого Диего к порогу госпиталя, где молодая, относительно прекрасная чика выходила-вылюбила искалеченного бойца и установила ему протезы, идентичные натуральным. Это была Химена. В то время она только начинала работать медсестрой, с отличием закончив телевизионные медицинские курсы.

Диего Гарсия происходил из богатого влиятельного рода, и его семья была категорически против намечавшихся серьёзных отношений их благородного потомка с простой креолкой. Он порвал все связи с семьёй, чтобы жениться на Химене. Переехал в её маленький бедный домик в деревне на холме, где у них родились трое сыновей. Но жили они не очень счастливо, потому что вынуждены были постоянно увиливать от козней родственников.

После окончания войны стартовала международная программа добровольно-принудительной чипизации населения. Это подкреплялось широкой рекламной кампанией, аргументами безопасности и бытового удобства. В пропагандистских целях была инсценирована серия похищений граждан с последующим обнаружением изувеченных трупов, однако затем силовики образцово-показательно спасли горстку младенцев и немножко изнасилованную школьницу. Разумеется, особо подчёркивалось, что дети были чипированные, это должно было послужить очевидным доказательством пользы нововведения.

Звёзды шоу-бизнеса и политики демонстрировали решимость и страстное желание пройти чипирование в первых рядах, потом наперебой рассказывали телезрителям о своих великолепных впечатлениях от процедуры и доселе неведанном чувстве спокойствия и лёгкости. А у кого-то даже улучшилась структура волос и выросли новые зубы.

Таким образом, всего за год две трети населения страны отдались на добровольное чипирование. Остальные оказались в полулегальном положении. Этот расклад, конечно, не устраивал правительство. И оно стало ужесточать меры в отношении беспризорных людей.

Начались гонения, общественное давление, да попросту травля. В супермаркетах, поликлиниках, аптеках отказывались обслуживать не звенящих посетителей, затем под предлогом перехода на новый учёт им стали задерживать зарплаты и социальные пособия, запретили нечипированным детям обучение в школах и университетах, а в городских многоквартирных домах вместо домофонов установили чип-сканеры. Люди теряли работу и жильё, одни сдавались, другие пытались бежать в менее цивилизованные места, но были и те, кто посвящал жизнь борьбе.

Однажды на Диего вышли из леса его фронтовые друзья, организовавшие революционное движение «Либертад о муэрте» (ЛюМ). Супруги Гарсия сплотились с товарищами,

объявив войну техногенному рабству. В их обязанности входила разведка данных о передвижных правительственных спецлабораториях, замаскированных под автобусы помощи беспризорникам, куда насильственно помещались чип-уклонисты для медицинских экспериментов. Эти сведения помогали боевой группе осуществлять диверсионные действия.

Чтобы владеть информацией и иметь возможность защитить свою семью и друзей Химена решила пожертвовать собой, поступив на службу в полицию экспертом-криминалистом, где её вполне предсказуемо в обязательном порядке чипировали.

Революционеры изначально селились в старых заброшенных шахтах. Глубоко под землёй плохо ловились сигналы, как бы ни настаивали на обратном идеологи тотального контроля. А полиция без чётких ориентировок не совала свой нос.

Зачастую приходилось соседствовать с бандитами, которые также предпочитали проводить свои важные собрания в подземельях, а иногда и прятать там заложников в виде трупов или около того. Однако это не сильно мешало работе и почти не действовало на нервы.

Меня восхищало мужество этих людей, но я не могла не задать волнующий на протяжении всего рассказа вопрос.

– Я не понимаю, Диего, к чему такие страдания, ради чего? Всё равно ведь глобально ничего не изменить. И вообще, может, эта система и неидеальна, но изначально придумана для порядка, а неудобна прежде всего людям с преступными намерениями, ведь простому честному человеку нечего скрывать, – поинтересовалась я с умным видом, сидя в алюминиевых трусах.

От моего вопроса проснулся дон Альваро и громко икнул.

– Вот это поворот! Ты или тупая, или удачно притворяешься, – раздражённо предположил Диего.

– Я всего лишь спросила!

На такие случаи у меня есть свой фирменный убедительно придурковатый взгляд.

Он неожиданно остановил машину, закрыл плотно окна и снова закурил. Последовали минуты тревожного молчания в дымовой завесе.

– Старый дурак, подумал, ты знала, кто я, и намеренно искала помощи. Хотя... нет, не верю я в такие совпадения... Возможно, и правда чего-то не помнишь.

Он уставился на меня своими острыми глазами, стало настолько не по себе, хоть срывайся и беги.

– Так и что ты там брякнула про порядок и честных людей, которым нечего скрывать? Стыд какой, это же мышление коровы! Допустим, сегодня человек не имеет преступных намерений, а завтра они у него появились, и как быть, зачем превентивно лишать себя выбора, простора возможностей? Кстати, главный вопрос – кто такой истинный преступник, в правовом пространстве или гуманитарном? Что притихла-то?

– Слушаю.

– И ходить далеко не надо, в зеркало посмотри. Какое преступление совершила ты, что сейчас вынуждена прятаться? Почему не заявила в полицию с чистосердечным признанием, если нечего бояться? Уж там бы честь по чести разобрались и ещё наградили бы тебя за законопослушность, разве может быть иначе! Или это всё-таки инстинкт самосохранения тобой сейчас движет, а не консервированный мозг? Нормальный животный инстинкт. И вот я, такой добрый дяденька, хотя совсем не факт, может маньяк или торговец органами, везу тебя в ночи бог весть куда. Куда я везу тебя, Маша? Ты бы хоть спросила!

Он всерьёз завёлся и почти перешёл на крик. Эти слова были так грубы и справедливы, они схватили меня гигантскими клешнями и трясли остервенело, как куклу. Казалось, вот-вот оторвётся голова и выпрыгнет сердце, без которых, по убеждению Диего, совсем беда. Хотя многие успешно живут без того и другого. Я не могла сопротивляться и не знала, что ответить. Машинально спрятала лицо в ладони и заплакала.

Диего обнял меня и успокаивающе похлопывал по спине, от этого я разрыдалась ещё сильнее. Мои эмоции напрасно пытались облачиться словами, прорываясь лишь тихим свиным похрюкиванием сквозь более красноречивые интернациональные сопли.

Тогда он протянул мне фляжку.

– Извини, что-то я и в самом деле разошёлся. А рефлекс-то живы, эй, это плюс. На вот, выпей, полегчает.

– А что это? – вообще-то мне уже было всё равно, что пить, хоть бы и яд.

– Какой прогресс, Маша, ты учишься задавать вопросы, – добродушно, как мне показалось, засмеялся Диего. – Пей, не бойся.

Не дожидаясь окончания фразы, я сделала большой глоток. Моё горло резко обожгло.

– Ну-ну, давай без фанатизма. Всё-таки 45 градусов. С непривычки-то...

45 градусов – половина прямого угла, это первое, что подумалось. За всю свою жизнь я ни разу не пробовала алкоголь. Ни на родине, ни в зарубежных поездках, однако возможность была, вот хотя бы здесь. У нас его свободное распространение запретили, когда мне было лет восемь или девять, неважно. Знаю, есть немногочисленные специализированные маркеты с астрономическими ценами, совсем не для простых людей. А кое-кто изготавливает самостоятельно дома, такие имеются даже среди знакомых. Но у меня и без того всегда хватало проблем, чтобы ещё стремиться наживать новые. И потом я действительно привыкла, когда всё по закону.

Через какое-то время, отдышавшись, оценила эффект – очень даже недурно! Это ощущение струящегося тепла и постепенно нарастающей гармонии внутри. Решила закрепить повтором, с хорошим таким запасом. Теперь мне уже всё можно.

– Достаточно, пора ехать.

– Понимаете, Диего, я в чудовищном стрессе вследствие происходящего, оттого льётся из меня какой-то бред. Аффект, понимаете? – зачем-то я начала оправдываться, что за дебильная привычка. – Уязвимость и неизвестность сносят крышу. Мне страшно. Это так...

– Да ладно, дочка, перестань. Всё я понимаю.

– Спасибо! Мне нужно переварить, у меня замедленный метаболизм, но что поделать, у всех же по-разному. А вы, пожалуйста, расскажите, что было дальше! Для меня это очень важно. Обещаю больше не задавать тупых вопросов. И, честное слово, никому не расскажу.

Диего накормил дону Альваро кукурузой, дружески потрепал за ухо, что-то ему шепнул и продолжил свой рассказ.

Как-то раз они вдвоём направлялись к амигос в бункер с провизией и секретным донесением. На их пути неожиданно возник вооружённый патруль. Офицеру не удалось отсканировать Диего; для выяснения личности человек был задержан и этапирован в столицу, а осёл в одиночку с поклажей продолжил свой путь и выполнил задание.

Диего Гарсия долгие четыре месяца провёл в тюрьме, достойно выдержал самые изощрённые допросы, восемнадцать раз объявлял голодовку и возобновлял регулярное питание, его даже пытались пытать.

К счастью, коррупция ещё не была до конца истреблена, в дело вмешался родной дядя Диего по матери, передовейшее светило науки, знаменитый доктор Фернандес, который, не афишируя родственных связей, вызвался сам провести принудительную маркировку арестанта.

В процессе между ними состоялся очень важный разговор. Дядя подробно разобрал недочёты и известные провалы операций «ЛоМа», откровенно признался в либертарианской филантропии. Но, по его мнению, открытая борьба не может привести к победе, а способна создавать только локальные безобидные помехи. Ведь глобальная битва с населением ведётся на межправительственном уровне, значит, и разваливать её нужно прежде всего изнутри.

И вот над этим доступом внутрь дядя и несколько его учёных товарищей из разных стран сейчас и работают, равно как и над способами размаркировки. А подвергать себя регулярному риску ради ничтожного выхлопа ломовцам не стоит, тем более что в недалёком будущем их идеологическая преданность сможет послужить общему делу более грамотно и централизованно.

После процедуры суд приговорил Диего к крупному штрафу и отпустил домой. Чип был вмонтирован в съёмный протез руки, что позволяло Диего, с одной стороны, легализоваться, а с другой – иметь возможность более осторожно продолжать свою деятельность, подыгрывая системе и меняя «руки» по случаю на своё усмотрение.

Одновременно с этим он стал носителем тайны, обнаружение которой могло бы облегчить жизнь миллионов людей. Но всему своё время.

А фишка вот в чём. В официальных пропагандистских роликах рассказывалось о процедуре чипирования. Пациенту под общим наркозом делался прокол в области копчика, куда вживлялся микроэлемент. После пробуждения человек чувствовал приятное слабое покалывание в месте укола, которое полностью исчезало уже на следующий день. В общем-то всё нежно и безболезненно.

Часть тела, разумеется, была выбрана неслучайно. Самостоятельно извлечь чип довольно проблематично, а посторонней помощью не всякий решится воспользоваться, хотя бы в силу деликатности и боязни огласки.

Некоторые граждане, впоследствии пожалевшие о своем необдуманном решении пройти процедуру, стали нелегально запасаться фольгой и мастерить из неё трусы. Конечно, это не могло не сказаться отрицательно на рождаемости. Находясь в состоянии постоянного стресса, рискуя быть пойманными и осуждёнными в любой момент, люди избегали обнажения срамных мест без острой необходимости, всё чаще отдавая предпочтение кайфу от иллюзии личностной свободы и неподконтрольности.

На самом деле, по утверждению Диего, жопа, как это часто бывает, всего лишь отвлекающий маячок. Конечно, мир не без любопытных, и находились такие кулибины, кто и в самом деле вытаскивал из задницы микросхему. Но настоящий чип вживлялся в руку. Об этом сложно догадаться, если не знать.

– Так что можешь смело снимать этот свой нижний маскарад, он действует исключительно на верующих, – подытожил Диего.

Как это всё переварить и не рехнуться? Почему он мне рассказывает, с чего вдруг доверяет?

Какое отношение рука Конева имеет ко всему тому, что я теперь знаю? Зачем и куда я её несла? Что вообще это было? Шахты, опять же, фигурируют и в моей истории, наверняка имеется какая-то связь.

Поразительно, Диего как будто читал мои мысли.

– А этот твой друг явно из наших. Узнал, где чипизаторы порылись, вот и скинул руку. Интересно, куда эта свободная личность побежала... Расскажи мне про него.

– Да нормальный вроде парень. Красивый, миролюбивый, общительный, из бедной социальной семьи. Женился недавно на своей подруге Белле, она королевский пудель, симпатяга.

– Что в этом нормального? Тьфу, не продолжай... – окурок вместе со слюной стремительно вылетел в окно.

– Не, так-то он традиционный, ориентирован на людей. А брак, я уверена, фиктивный. Просто он Беллу устроил к нам на студию моделью, отснял её очень достойно, пробил выгодный контракт. По закону ведь работающим особям нельзя проживать в незарегистрированных отношениях на одной жилплощади, иначе огромный штраф. Не знаю, как у вас, а нам проще дополнительный налог на работающего члена семьи заплатить. Многие пытаются

хитрить, конечно, так сами потом жалеют. Отследить же проще простого, да что я говорю, уж вы-то знаете.

Вот и мы с Пашей потому и состоим в браке, что так дешевле выживать.

И всё-таки, куда мы направляемся?

– А, ну понятно. Обирают народ по полной программе... Наш вот с Хименой старший сын с детства живёт в соседней стране, мы сейчас как раз туда едем. Счастливый человек! Много работает и зарабатывает неплохо. Причём никаких тебе изощренных налоговых пыток. М-да, остались ещё на земле территории, не захваченные глобалистами, надолго ли...

– Часто туда ездите?

– Постоянно, при любой подвернувшейся возможности. И с сыном повидаться, и по своим революционным делам случается, да просто лишний раз подышать воздухом свободы. У меня спецразрешение есть экскурсоводческое. Бывает, катаю людей по индейским достопримечательностям. Я ж все эти места лучше, чем родные десять пальцев, знаю, – Диего засмеялся своей шутке, – даже зарегистрирован как мелкий предприниматель и налоги плачу. Пусть подавятся.

– А вдруг меня проверят и схватят?

– Об этом не волнуйся! Машина моя давно примелькалась, каждое пересечение границы формально фиксируется и не вызывает подозрений. Я в заграничные поездки всегда надеваю чипированную руку, система отработанная, – Диего похлопал себя по правой руке, – а ты вон в багажник спрячешься, личного досмотра не будет. Но я на всякий случай тебя пыльными мешками сверху прикрою.

– Поскорей бы уж добраться. Не терпится увидеть, что там такого необычного в этой стране.

– Тебе лет-то сколько, в районе тридцати? Уже не застала нормальную человеческую жизнь, родилась в инкубаторе. Тогда, конечно, многое покажется необычным, а для меня это ностальгия. Ну вот, считай, имеешь уникальную возможность прокатиться на машине времени. У них ещё довольно сильное движение сопротивления техническому прогрессу и международным стандартам. Президент – мощный человечище, не позволяет всяким коллаборационистам затащить страну в мясорубку передового людоедства. Немногие государства пытаются саботировать этот процесс, ещё меньше с каждым годом становится тех, кто открыто противостоит. Давят их, гады! Объединяться или сгинуть поодиночке.

– Мне кажется, такие страны в принципе не могли бы существовать и бороться без поддержки извне. Да и если смотреть на перспективу, допустим, людоеды преимущественно слабоумны, но, вне всякого сомнения, среди них есть осознающие, что такие заповедники необходимы. Даже не этически, а исключительно из прагматических соображений. Жизнь ведь непредсказуема, авось им самим или их детям придётся спасаться бегством. А куда? Это же как сук под собой рубить. Вот и дядя ваш говорил про тайную работу изнутри...

– Он восемнадцать лет был министром здравоохранения. Пустые надежды, толку ноль. По крайней мере, видимых изменений не случилось. Да о чём спор, к сожалению, время неумолимо, я уже не так молод и без бывшего оптимизма смотрю в будущее. Что станет с соседями через год-другой... Пока люди живут себе по старинке. Бедно, но с достоинством.

Бедно и с достоинством, похоже на оксюморон.

– Кстати, там по-прежнему в ходу наличные деньги, я оставлю тебе на расходы. Поживёшь сколько надо у Родриго, подумаешь спокойно. В общем, сориентируешься по обстановке.

В багажнике я всё-таки задремала, темно, душно, укачивает, скучно, что ещё делать. А проснулась уже в другой реальности.

– Почти приехали, – сказал Диего, – давай, пересаживайся.

За окном был мирно спящий в куче мусора рассветный город; низкорослые старые дома с потрескавшейся кожей и зарешеченными чёрными ресницами глазами; заборы, украшенные битым стеклом и колючей проволокой. Свернувшаяся клубочком на дряблом асфальте тощая облезлая собака...

Буэнос диас, неряха!

3

Проехали городок насквозь и оказались среди завораживающих пейзажей. Вокруг влажный тёмный лес в утреннем тумане, а на горизонте мелькали хрустальные очертания гор.

Дон Альваро высунул морду в окно и шевелящимися ноздрями со свистом всасывал свежий прохладный воздух.

Ещё немного, крутой поворот, и вот перед нами разлилось большое серебристое озеро, на нём, как парик на голове мадам Помпадур, торжественно лежало пышное облако.

– Это место, где радуга обретает цвета, так говорят индейцы, – представил местность Диего, – тебе понравится, всем нравится. Климат мягкий, не будешь страдать от жары. Ну и в целом приятная живая атмосфера. Соберёшь нервы в кулак.

Мне уже всё нравилось и не терпелось остаться. Убедительно веяло спокойствием и дзенем. Да, это была любовь с первого взгляда. До чего же глупые фантазии меня посещали про семизвёздочные резервации и всякое лакшери.

Подобравшись к озеру поближе, я увидела женщину в яркой рубашке, стоящую по пояс в воде. Она мыла свои длинные чёрные волосы. Может, это какая-то экокзаморочка или магический ритуал. Оказалось, всё гораздо экзотичнее: с домашней водой у местных напряг, раздеваться незачем, вроде как и помылся и постирался заодно. К тому же вода на рассвете комфортнее, чем в другое время суток.

Вскоре мы остановились на берегу рядом с красивым домом, увитым растениями. Все вышли из машины. Во дворе залаяла собака, оповещающая о прибытии гостей.

Дон Альваро сразу рванул в кусты, а вернувшись, довольный, принялся скакать, разминая затёкшие после долгой дороги задние конечности.

Через несколько минут открылась калитка, сначала появилась длинноухая собака, а следом за ней сонный парень в шортах и тапках. Он молча обнял Диего и дона Альваро, приветственно кивнул мне.

– Родриго, это Мария. Она поживёт у тебя.

Сын Диего – генетический косяк семьи Гарсия или подменённый младенец в роддоме – светлокожий брюнет среднего человеческого роста, я уже успела привыкнуть, что в этой части мира одни гномы. Подошёл ко мне, пожал руку. Мягкая, тёплая ладонь, натуральная.

– Родриго – наш самый удачный сын! – Диего гордо похлопал парня по плечу. Дон Альваро ревниво фыркнул. – Вылитый мой брат Эрнесто, когда живой был! Ха-ха-ха!

Да что ж такое, чудеса телепатии.

Диего сунул мне пакет, расцеловал в щёки, пристегнул осла к креслу и прыгнул за руль. Я обратила внимание, что больше сыну он не сказал ни слова.

– Проходи, не стесняйся, покажу тебе дом и твою комнату, – пригласил Родриго, когда машина его отца скрылась за деревьями.

Красивый ухоженный сад, у входа в дом поилка для колибри, правда, птичек в тот момент не было. На первом этаже просторная гостиная и хозяйственные помещения. Мы поднялись на второй этаж, повернули направо.

– Вот, располагайся.

Большая наполненная солнцем комната цвета голодного танзанийского льва. Массивная деревянная мебель, огромная кровать и даже старинный секретер, музейная диковинка. Из комнаты выход на террасу, откуда открывается великолепный вид на озеро и вулканы. Да всё в комплексе идеально – моей радости не было предела! От таких резких перепадов эмоций лишь бы не заболеть, я часто заболеваю от стресса.

Родриго внимательно наблюдал за мной, изучал. Поймав мой взгляд, опустил глаза.

– А ты один здесь живёшь?

– В основном один. Ко мне каждый день приходит помощница по хозяйству, местная женщина, майя, как и большинство живущих здесь. Очень внимательная и отзывчивая. Позже познакомитесь. Правда, она почти не говорит по-испански, но неплохо понимает. Я зову её Ноа, это сокращение от её настоящего имени, которое довольно сложно выговорить. В гостиной много старых бумажных книг, есть путеводители и всякое разное по истории и культуре. Хороший рынок, минут тридцать пешком от дома направо. Не потеряешься, если что, спросишь людей, подскажут. В саду велосипед, на берегу лодка. Телевидение только национальное, Интернета и прочих мировых каналов связи здесь нет. В ванной найдёшь всё, что нужно. Что ещё... Извини, мне пора собираться на работу. Спускайся в сад через двадцать минут.

Он этот текст так чётко оттарабанил, как будто заучивал наизусть. Ох, это чувство неловкости – меня подкинули ему, а он, будь любезен, принимай. Хотя не исключено, что я не первый, так сказать, революционный подкидыш.

Родриго вышел. Бросила рюкзак на пол, сняла кроссовки и упала на кровать, раскинув руки. Полежала немножко, пытаюсь усмирить эмоции. Вышла на террасу – глаз не отвести!

Кстати, куда их отвести в первую очередь? Принять сонные ванны? Изучать местность? Хотелось всего и сразу.

Вспомнила про пакет, который мне дал Диего напоследок. Раскрыла его: разноцветные бумажки были аккуратно сложены по росту. Наличными деньгами мне не доводилось пользоваться. Но что-то знакомое и обаятельное в них было, чувствовалось, мы быстро поладим.

Спустилась вниз. Родриго уже переделся в белую рубашку и синие брюки, униформа, похоже. А на плите стоял ковшик, из которого клубился дымок.

– Ты как раз вовремя, сейчас выпьем кофе, да я поеду.

Мы уселись в саду. Обалденный микс ароматов! Цветочный, кофейный и табачный – Родриго курил сигару, в этот момент он был прекрасен, как кровожадный аргентинец на майках.

– Вот ключи. В общем, осваивайся, вечером увидимся, – и протянул мне связку с металлическими предметами.

Белоснежный байк с красным крестом укатил Родриго на работу.

А пока я неторопливо допивала кофе, ко мне успела подлизаться собака. Затем она по-хозяйски устроила экскурсию по саду, познакомила с глянцевыми колибри и крупными представительными попугаями. Тукан великодушно разрешил потрогать свой выдающийся нос. Посидели на скамейке рядом с загорающей игуаной, а в кустах мелькнул чей-то пушистый хвост. Зверьё здесь очень хорошо поживает. Нашлось место и для меня.

Я честно не следила за временем, оно шло само по себе, я сама по себе. Но как-то вечером, уже привычно взирая на яркое звёздное небо и худенькую юную луну, вдруг обнаружила, что прошмыгнул месяц. А за ним другой.

И у меня нет никаких оснований задерживаться в этом доме дальше, кроме счастья.

Счастье вот так расслабленно валяться в гамаке, просыпаться от перешёптываний птиц, смотреть, как работают люди, прохладиться на пляже, карабкаться на вулканы, стирать в кровь ладони и колени об сёрфборд, ездить верхом на лошади, заводить легкомысленные знакомства, играть с местными детишками, глотать книги, зависать в баре, собирать созревшие кофейные ягоды, мысленно целовать любимого бессонной ночью до рассвета.

Абсолютное счастье – жить просто и беззаботно, не думая о том, что это временно, выбросить все вопросы, задушить тревогу, – но это пока недоступное мне счастье. Кто-то

барахтается в выгребной яме и верит, что это не навсегда. Кто-то живёт в раю и боится, что это не навсегда.

Многовековая народная мудрость занудно твердит, что халявными бывают только пинки и подзатыльники. А если тебе вдруг хорошо, ищи, кому это выгодно. Периодически я гоняла в голове воображаемый круг подозреваемых, но ни одной зацепки.

В первый же день рассудила так: раз уж в данной истории я объект и играю по предложенным правилам, моё объектово дело маленькое, как материал я могу лишь сопротивляться или отдаться воздействию. Что ждёт за поворотом и каковы будут следующие условия – неизвестно, но мне нравится тот инкубатор, в который я помещена сейчас, и пусть оно идёт так далее. Пока не решат, что довольно, не откормят до нужной кондиции, буду радостно пастись и с аппетитом щипать траву. Только совсем нездоровая тварь побежит от такой жизни в лес.

К сожалению, люблю читать. Это вредно для счастья. Книжки, они как еда: диетическая и калорийная, экзотическая и привычная, деликатесы и фастфуд... У Родриго шикарная библиотека, полки-меню в гостиной до потолка. Оголодавшая, я сначала набросилась на десерты, любовные романы обильно запивала фэнтези. Но на одном сладком долго не удержишься, вернулась к здоровой пище. И началось это тщательное пережёвывание и длительное переваривание, прощайте, эндорфины.

Взять хотя бы «Синюю птицу», диетологи рекомендуют. Ещё недавно, как Тильтиль с Митиль, я облизывалась на чужие пирожные через окно. А дальше последовательность нарушена, меня экстерном из хижины перевели во дворец ночи, а оттуда – в сады блаженства. Обсуждали с Родриго, он говорит, что это эзотерическая пьеса с символическим прохождением двенадцати домов гороскопа. Я не сильна в эзотерике и ни черта не понимаю, куда идти, надо ли искать птицу и какой вообще резон – задачи не поставлены. Ни фею-поводыря, ни шапку не выдали.

А мысли назойливыми клопами всё же поначалу проникали в мою постель. В целях гармонизации были привлечены вспомогательные силы из области консервативной магии. На рынке среди вороха разнообразного рукодельного товара моё внимание привлекло сообщество маленьких вязаных кукол. Они пользовались устойчивым спросом у покупателей. Мунекитас кинтапенас – это, по сути, индейские родственницы козла отпущения и мальчика для битья. Куклы, на которых люди перед сном сливают свои проблемы и тревоги. Нажаловался, загрузил по полной, положил под подушку, а дальше уже эти крошки, размером с мизинец, парятся за тебя. Не ново, но всегда актуально свалить свой геморрой на кого-то другого. Я купила полноценный рабочий коллектив этих мунекитас, равномерно распределила между ними обязанности, кому на какую тему страдать. И спала относительно спокойно.

Вокруг озера несколько посёлков. Местные жители в основном крестьяне и рыбаки, малограмотные и работающие. Женщины, как цветные муравьишки, с вечными тюками на башке и малышнёй на спине, несут потомство протоптанным пробабками коротким маршрутом. Дети кукурузы, их представления о мире ограничены десятками километров в радиусе озера. Они не в курсе событий, выходящих за пределы их повседневности, общаются только на своём родном и не допускают в него посторонних.

Язык – их надёжный щит, натуральный консервант и антисептик, сквозь который не проникает токсичное чужеродное влияние.

Гордый кетцаль не живёт в клетке, его можно уничтожить, но нельзя чипировать.

Но не все трудятся, некоторые попрошайничают, благо туристов сюда привозят ежедневно пачками. Только единицы молодых ребят бегут в столицу и другие крупные города, пытаюсь построить бандитскую карьеру – это самая доступная отрасль, где каждый имеет возможность хоть немного разжиться.

По всей стране контраст – вырви глаз: полутона практически незаметны, семьи либо безнадёжно бедны, либо неприлично богаты.

Правительство не имеет ничего против умеренного бандитизма, считая традиционные социальные трения натуральными и экологичными.

В доколумбову эпоху их предки оптом поставляли ненасытным богам своих соплеменников, те жрали в три пуза и с барского плеча жаловали цивилизацию, могущество, прогресс и всё такое, чем традиционно кичится большой мир. Ну и что принципиально изменилось? Жертвоприношение, похоже, является обязательным компонентом удобрения. Боишься крови – сажай картошку, таскай пыльные мешки на голове и моли духа предков послать лошадь.

Мне бы тоже придумать себе лошадь.

Родриго мимоходом затрагивал тему моей легализации, но детально не обсуждал из-за отсутствия у меня конкретных дальнейших намерений. Я же старалась жить настоящим!

Мы сразу нашли общий язык. У нас во многом схожие вкусы и интересы, весело и легко вместе, вот ей-богу, лучшей компании за всю жизнь не припомнить.

Отсутствие бытовых проблем, опять же, исключительно благоприятная почва для любых отношений. Тихая Ноа, эта крошечная фея с волшебной тряпочкой, скользила по дому, делая его дворцом. А в наше отсутствие она оставалась присмотреть за домом и животными.

Я научилась готовить. Не из необходимости, а в удовольствие. Да и было бы удивительно остаться равнодушной к такому изобилию овощей и фруктов, о существовании некоторых ранее даже не подозревала.

В будни за ужином мы перетирали уходящий день, а в выходные сбегали на побережье океана, где Родриго учил меня держаться на волне.

Но я не забывала о своём гостевом статусе, и коль уж решила остаться в этой стране, то продолжать злоупотреблять гостеприимством Родриго неприлично, надо как-то самостоятельно обустроиваться. К тому же имеющаяся наличность подходила к концу. Я особо не тратилась, наверное, сумма выдавалась из расчёта примерно на этот срок.

Кстати, Диего с тех пор ни разу не видела. Если он и наведывался, то делал это как истинный революционер, конспиративно.

Родился хитрый план, как обналечить средства на моём счету, если вдруг срочно требуется. Смущало ли меня неизвестное происхождение этих денег? Не так чтобы очень. Я же их не украдала. Они, в общем-то, такие же мои, как и всё окружающее. Дело случая, а случай бывает разным.

Хорошо, если без рефлексии, мне должно хватить на постройку скромного дома в одном из приозёрных посёлков. А на дальнюю перспективу необходимо прикинуть, чем зарабатывать. Сдавать комнаты туристам? Организовать небольшую кормушку? Почему бы и нет. Вариантов, прямо скажем, пшик.

Впрочем, это мало чем отличается от привычной ситуации дома. С той лишь разницей, что у нас всё максимально роботизировано и человеческие ресурсы в принципе не востребованы. А здесь ровно наоборот, кормят практические навыки, да где их взять высокоразвитым пришельцам. В каждом доме по ткачихе, поварихе, строителю, агроному, воспитателю, не говоря уж про артистов с психотерапевтами. Изыски не требуются, всё незатейливо, без излишеств.

«Они не слышали даже про примитивные 4d-принтеры! – усмехался в баре свежеприбывший безработный канадский инженер, – и не стесняются своего невежества. Срочно надо везти индейцам бусы. Это же какой простор для бизнеса!»

Нелепость заявления оценили все, кто хоть на минуточку прикидывал остаться здесь на ПМЖ. Везите деньги – бусы они и сами вам охотно впарят.

Несмотря на очевидные противоречия, два разных общества бесконфликтно сосуществовали на одной территории: коренное население, ведущее традиционный образ жизни, и технозависимые иностранцы, очарованные экзотикой простого и искреннего мира, но на деле неспособные органично встроиться в него, помыкаются, помыкаются – и домой, к роботам.

Вероятно, такой же сценарий ждал и меня, если бы не мои вынужденные обстоятельства.

Родриго прекрасно играл на гитаре, и голос у него приятный. Я слушала и ни о чём не мечтала, потому что эти минуты и были мечтой.

«...и с тех пор, как ты ушла, детка, на мне чёрная рубашка, а под ней мертвец...»

Это их страстное воспевание трупов я нахожу забавным. Не понимаю, что так привлекает мучачей в процессе разложения, но почти в каждом произведении, хоть заборном, хоть вокальном, правила хорошего тона обязывают лирического героя как минимум прикинуться умирающим.

Но музыка красивая, да.

После завершения очередной песни ещё не вышедший из образа поверженного быком новильеро по причине очередного эмоционального расстройствa, покрасневший Родриго мужественно смахнул потный локон со лба, налил мне в бокал ещё рома, а сам накатил из бутылки. Я восхищённо аплодировала!

– Кстати, о быках. Скажи мне, амиго, свободно ли домашние животные передвигаются между странами, не пристаёт ли к ним полиция со сканерами?

– Зачем тебе?

– Да так, мысли бродят. Допустим, я переоденусь ослом, вместо дона Альваро, который пока погостит у тебя, а сеньор Диего свозит меня в свою страну, потом в таком же виде привезёт обратно. Ну как?

– Какой оригинальный захватывающий сюжет! – Родриго о чём-то напряжённо задумался, глотнул ещё рома, закурил. – Признайся, Мария, тебе стало скучно со мной? Чего-то не хватает? Мало развлечений?

– Нет, что ты, Родриго! Мне с тобой фантастически повезло! Просто задумалась о будущем, а на него нужны деньги. Настоящих осталось мало, виртуальными здесь воспользоваться не смогу. А там бы произвела обмен с твоим отцом по очень выгодному для него курсу!

– О, – просиял Родриго, – тоже мне, проблема, надо было сказать! Вот тебе ключ, вон шкаф, подходишь, открываешь и берёшь сколько надо! А что за будущее ты задумала?

Мужчина мечты! Мегасупермачо! Возьми в шкафу сколько надо, только, ради бога, не надорвись, лучше в несколько заходов.

Родриго продолжил волшебнo бредить, дескать, мне ни в коем случае не нужно работать ради денег, правильно заняться чем-то полезным для души и общества, и уж совсем огорчительно ему слышать о моём намерении переехать из его дома. Я должна бесконечно радоваться жизни и не забивать голову глупостями.

И как бы в подтверждение своих слов он снова затянул песню о том, что какая-то баба куда-то свалила, как невыносимо мучительно без неё, самое время укладываться в гроб. Вот зачем такое выдумывать? Известно же, нет человека – нет проблемы.

Хорошо, попробую продолжить радоваться, тем более что это входило в ближайшие планы, а там видно будет.

– Мария, давно хочу спросить, что у тебя за повязка на руке? Ты никогда её не снимаешь?

Я не знала, можно ли с ним говорить откровенно. Конечно, я доверяла Родриго, но вопрос касался не только меня. Попыталась вспомнить, не было ли на этот счёт инструкций от Диего, вроде бы нет. Решила ответить обтекаемо.

– Твоя мама повязала мне её как оберег.

– Это очень почтительно с твоей стороны! Но не собираешься же ты её носить всю жизнь? Хотя бы потому, что это неудобно.

– Так надо, Родриго, не спрашивай меня, я не смогу объяснить.

Похоже, он не в теме.

– Хм, я не знаю, что сказала тебе мама. Но я неплохо знаю своих родителей и могу себе вообразить. Как бы это деликатно сказать, э-э-э, они помешаны на вопросах безопасности, инфицированы манией преследования. Конечно, их по-своему можно понять: война, тревожная молодость, бесконечная борьба за идеалы...

– Очень непростая жизнь, хочешь не хочешь, а станешь подозрительным!

– Но ведь до гротеска доходит! Под домом оборудовали бункер, фольгой запасаются, у них там уже целый склад, и всё маскируются, как дети играют в шпионов. Мне-то повезло, я в основном здесь, у дяди Эрнесто рос, родители меня ему подбросили на временное воспитание, опасаясь похищений. А вот братьев моих своей паранойей фактически до сумасшествия довели. Один в Антарктиде скрывается, другой доном Альваро рядится. Да, не удивляйся, это мой брат. Настоящий дон Альваро погиб много лет назад. Хорошо его помню, достойный был боец, хоть и осёл!

– Родриго, стоп, ещё одно слово, и я сойду с ума, завтра договорим!

В тот вечер я напилась. Сказала, что мне необходимо побыть в одиночестве на берегу, а сама совершила ночной треккинг в бар, где проходил круглосуточный фестиваль «весёлый гринго». Там меня, уже пребывающую в оптимистично дерзком состоянии, отловил Родриго и, невзирая на категоричные возражения, этапировал домой.

4

Проснулась, когда его уже не было дома. Лёгкое чувство вины, неизбежные признаки интоксикации, вчерашние огрызки памяти.

Без всякого предварительного запроса Ноа принесла мне в комнату кувшин молока, манговые пирожные, кофе, заменила уставшие цветы в вазе на свежие. И улыбается, улыбается, стараясь спасти моё не очень приятное утро. Милая, я и сама хотела бы быть такой, как ты.

Ноа порывалась сообщить мне какую-то важную информацию на своём языке. Конечно, я понемножку пыталась тайно проникнуть в него, но ещё мало продвинулась, да и самочувствие после ночной прогулки не очень лингвистическое. Тогда она взяла с секретера лист бумаги, карандаш, нарисовала вытянутую женскую фигуру, акцентируя внимание на голове, медленно комментировала и жестами показывала на улицу.

Я устала на картинку. Всё-таки Ноа при всех своих достоинствах так себе художник, чем она хотела меня поразить? Заметив, что я туплю, Ноа нарисовала рядом с героиней своей картины какой-то вигвам, а на нём табличку с рюмкой.

Дошло!

– Высокая лысая женщина, она приходила сюда, спрашивала обо мне? Ждёт в баре?

Ноа обрадовалась, что не взошла третья луна, как я сообразила. Улыбнулась и тихо исчезла. Деликатный человек, не докучает и не лезет с пустыми разговорами, всё по существу.

Калифорнийка Джейн, одна из моих вчерашних собутыльников. Я силилась вспомнить, чем мы друг друга так пленили.

У нас была увлекательная беседа про поиск ответов на вопросы, она ещё высказалась в том ключе, что не может успокоиться, пока всё не найдёт и не разложит по полочкам, и что не просто так сюда приехала, а ведёт серьёзное международное расследование.

Вспомнила! Про исчезающих людей мы говорили, я зачем-то сказала, что сама являюсь таким человеком. Ну, точно, и сама же предложила сегодня встретиться, мне показалось, что она каким-то образом может быть полезной. Надо будет вечером попросить Ноу заштопать мне рот.

Джейн в одиночестве потягивала мохито. Я заказала тоже. И ещё по одной. Нам некуда спешить, весь день в нашем распоряжении. Медленно думали, куда бы податься в безлюдное место, чтобы нормально пообщаться. Тащить в горы лень, грести на лодке тоже, решили просто взять массажные коврики, что-нибудь вкусное и устроить пикник на берегу.

Мы долго раскачивались, болтая о всякой ерунде, и никто не спешил перейти к главному. Но у меня зудело, зашла первой.

– Джейн, я вчера выпила лишнего и была непредусмотрительно откровенна.

– Я тоже, и что? Мы ведь для того и встретились, чтобы договорить. Ты толком ничего и не сказала, просто удочку забросила, чтобы заинтриговать. А для меня важна любая информация. Эй, Мэри, ты что, передумала?

– Боюсь ляпнуть лишнего, мне есть чего опасаться. Я не буду ничего говорить, пока не расскажешь, почему ты здесь и что ищешь.

– Окей, нет проблем!

Четыре года назад у Джейн пропал отец. Он был владельцем крупной инвестиционной компании. За несколько месяцев до исчезновения сильно изменился, ходил задумчивый и нелюдимый. И вдруг он впервые за много лет взял отпуск, решил уехать в какую-нибудь глушь, отдохнуть в одиночестве.

С тех пор о нём ничего не слышно.

К поискам подключились спецслужбы, следы привели сюда, к озеру, а дальше теряются. Калифорнийским дипломатам не удалось договориться с президентом этой страны о проведении оперативно-розыскных мероприятий с применением передовых технологий. Он счёл это очередным предлогом к вторжению, но обещал лично контролировать внутреннее расследование.

– Ну и что ты думаешь, результатом стало его издевательское заявление «каждый человек имеет право на исчезновение», типа, он и сам бы рад исчезнуть. Да, забыла сказать, крупная сумма со счетов отца была обналичена и уплыла в неизвестном направлении. Если это похищение, инопланетяне, что ли, украли? Сейчас никто не может просто так взять и пропасть, даже мёртвого система United people находит в момент. Окей, вот мы находимся в технологически отсталой стране, ещё и с заглушками, но и здесь все мои передвижения известны за тысячи километров, мой агент проверял – и на воде, и под водой, и в пещере, и в воздухе.

– Значит, что-то с чипом.

– Уж не дура, догадалась. Хотя эксперты с пеной у рта твердят, что технических причин быть не может, это сверхнадёжная безотказно работающая система.

– А что им остаётся говорить? Конечно, они не признаются, но сами-то в курсе, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.